

ПОДГОТОВКА АРТИСТОВ БАЛЕТА И ТЕАТРА

УДК 7; 808.56

О ВАГАНОВОЙ
(Запись беседы с Р. С. ПЕТЕРСОН)

*Дешкова И. П.*¹

¹ Благотворительный фонд «Новое рождение искусства», ул. Верейская, д. 17, Москва, 121357, Россия.

Текст представляет собой воспоминания об Агриппине Яковлевне Вагановой. Это запись беседы Ирины Павловны Дешковой с Риммой Степановной Петерсон.

Ключевые слова: Агриппина Ваганова, русский балет, классический танец.

ABOUT VAGANOVA
(The record of conversation with R. S. Peterson)

*Deshkova I. P.*¹

¹ "New Birth of Art" Charitable Foundation, 17, Vereiskaya St., Moscow, 121357, Russian Federation.

The text represents memories of Agrippina Yakovlevna Vaganova. This is a recording of a conversation between Irina Pavlovna Deshkova and Rimma Stepanovna Peterson.

Keywords: Agrippina Vaganova, Russian ballet, classical dance.

В предпраздничные и праздничные дни методический кабинет Московского академического хореографического училища превращался в элитный «банкетный зал». С негласного разрешения С. Н. Головкиной там собиралось избранное педагогическое общество, чтобы перекинуться друг с другом словом, выпить чаю с конфетами и, конечно, повспоминать о былом...

В тот день все разошлись по домам как-то особенно быстро. На диване,

стоявшем спинкой к большому до пола окну, осталась сидеть только Римма Степановна Петерсон (в девичестве — Римма Шевченко)¹. Всегда со вкусом, элегантно одетая, с хорошей прической, Петерсон выглядела очень молодо; настроение у нее в тот вечер было прекрасное. Пользуясь случаем, я под села к ней, вновь наполнив наши чашки чаем:

— Римма Степановна, вы ведь учились у Вагановой? — начала осторожно я. — Какая она была, как вела урок, это же так интересно?!

— Ирочка, — хихикнула совсем молодо Римма Степановна, — это же «поэма экстаза»! Это было совсем не так, как теперь многие рассказывают!

— А почему?

— Да откуда я знаю! Делают из нее какой-то монумент, а Груша была...

— Какая она была?

Петерсон откинулась на спинку дивана:

— Знаешь, придумывать ничего не буду, расскажу как помню... Ваганова была совсем небольшого роста. Перед началом урока дежурная ученица обычно ставила ей кресло посередине класса. Груша, как мы ее называли, уже неважно видела (на дворе был 1946 год) даже с лорнетом. Второй стул полгался ей под ноги. Во время урока она так и сидела, чуть подогнув под себя ноги. А руки... В одной руке у нее была непременно лорнетка. Вообще, руки она всегда держала как будто в подготовительной позиции, с округлыми локтями и кистями, собранными словно во время танца. Кисти рук у нее крупные были.

А характер у Вагановой был абсолютно непредсказуемый. Все ученицы в нашем классе имели у нее прозвища. Меня она называла Чернышева. Сначала никто не мог понять, почему я — Чернышева? Потом выяснилось, что на это прозвище натолкнуло Грушу мое смуглое лицо и темные волосы.

Но «Чернышева» — это было самое ласковое, что она могла мне сказать. У моей одноклассницы Иры Генслер было прелестное лицо с несколько «азиатским» разрезом глаз. Когда Ваганова сердилась на нее, она как бы сокрушаясь, говорила, обращаясь к Ире:

— Ну, что?! Это у вас так в Ашхабаде учили?!

Генслер в растерянности тихо бормотала:

— Я, Агриппина Яковлевна, в Ленинграде родилась, я не из Ашхабада...

— Нет, как же не из Ашхабада, откуда же ещё такие берутся? Ашхабад! — упрямо и зло повторяла Груша.

Ира стояла с лицом, полным сомнения на свой счет, уже не понимая ничего: «Может, она и правда из этого Ашхабада?»

Ругалась Ваганова крепко. Как-то у меня с левой ноги не получался tour

¹ Именно как Шевченко она закончила Ленинградское училище по классу А. Я. Вагановой.

en dedans у станка. Падаю и всё! Она смотрит на меня и не говорит («Мол, возьми спину!»). А орет мне:

– Ударься, ударься, мордой об батарею! Ударься!

Я руками замахнулась и действительно как-то задела головой за проклятую батарею (она висела на стене нашего зала, как раз на уровне моей головы). Я ахнула и схватилась за лицо, закрыла его руками. Груша в ужасе на секунду вжалась в свое кресло, поджала чуть ли не к груди от страха свои ноги. Потом шепотом:

– Девочки, у нее крови нет?

– Нет, — также шепотом отвечали ей девочки.

– Нет?! — Груша явно приходила в себя.

Я тоже-артистка, понимаешь-ли, за ней сквозь пальцы наблюдаю. И вдруг, словно разгадав мой фокус, она заорала нечеловеческим голосом:

– Вон! Вон! Отсюда!!

Но вообще-то ко мне Ваганова относилась хорошо. Не знаю почему, я это расположение никогда не использовала. Как увижу ее, бегу, как сумасшедшая, от греха подальше в другую сторону.

Однажды скачу по лестнице — вижу, она где-то впереди. Так я бегом вниз. Обогнала ее, забилась с булкой во рту в какой-то шкаф и дверцу прикрыла. Так она не поленилась, спустилась за мной. Дверцу отворила и мне в лицо как заглянула своими глазами... Уффф!!!

Была у нас в классе девочка, так она ее называла Гнилая Картошкина.

Со мной было по-другому. В начале урока я была для нее Рима. В середине — Римка. В конце класса — Чернышева.

Часто она брала меня за шкирку (это предвыпускной и выпускной классы!) и давала мне такой силы пинок, что я летела в коридор, падала на подоконник и начинала смеяться. Другие девчонки плакали, а я, как дура, смеялась.

Через какое-то время надо было входить в класс. Вхожу, опустив глаза:

– Агриппина Яковлевна, извините...

Не успеваю доямлнить, слышу вагановское:

– Вон!

Понимаю, что вошла не по «форме». Сначала надо было постучать в дверь и ждать пока она тебе ответит: «Кто там?»

Ситуация была идиотская, потому что и я, выгнанная, и она знали, «кто там». Потом надо было подойти к Вагановой, сделать реверанс...

Видя мою глумливую физиономию, Груша орала: «Вон!»

Выгнанная, я опять уходила, вновь надо было стучать в дверь, вновь Груша спрашивала: «Кто там?»

Вновьходишь, приседаешь и, если повезет, и дойдешь до палки, не скорчив рожи, можно было начинать заниматься.

Система Вагановой? Она нас, своих учениц, иногда важно спрашивала:
– Девочки, а вы читали книгу профессора Вагановой?

А мы в ответ тихо: «Нет...»

Никакой книги мы не читали. Она нас хорошо учила, из всей Школы собирала в своем классе лучших детей...

Однажды для концерта она поставила нашему классу «Вальс». Я танцевала одну из солисток. С нашего выхода начинался танец. Так я уже за кулисой должна была сидеть в позе на одной ноге, другая — вытянута вперед и поднята на девяносто градусов.

Села, сижу. На сцене какой-то идиот объявляет, нисколько не торопясь, что композитор такой-то (я сижу на одной ноге), номер называется так-то (я продолжаю сидеть на одной ноге), что поставила «Вальс» профессор, педагог..., что концертмейстер такой-то... А я все сижу. Уже трясусь от напряжения: чувствую всеми фибрами своего несчастного организма, что ногу опустить нельзя, Ваганова у меня за спиной стоит.

Не успела я опомниться, как чувствую — сильнейший удар. От этого пинка и каблука туфл Груши я вылетела, как она того хотела, сразу на середину сцены.

В обычном состоянии до середины сцены с одного *sissonne* не долетишь. Я с помощью Груши долетела и заплясала, как сумасшедшая! Моя напарница выкатила глаза. Танцуем, а она мне: «Римка, ты что, рехнулась?» Такие я, видимо, невероятные па выделявала!

Москва, 5 марта 1999 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дешкова И. П. — независимый исследователь, PR-директор Благотворительного фонда, член Союза писателей России; deshkovavk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Deshkova I. P. — Independent Researcher, PR Director of the Charitable Foundation, Member of the Writers' Union of Russia; deshkovavk@mail.ru